

А. И. Савин

Советская молодежь в годы Великой Отечественной войны глазами органов государственной безопасности

В межвоенный период произошло существенное «омоложение» населения Советской России. Согласно Всесоюзной переписи 1939 г., юноши и девушки в возрасте от 12 до 29 лет составляли около 34,4% населения РСФСР и 34,8% — населения СССР¹. Соответственно, объективно выросла роль, которую молодежь играла в обществе и государстве. Большевики традиционно полагали: именно на молодежь они могут положиться в большей степени, чем на все остальные группы населения, что субъективно вело к увеличению ее общественного веса. Первый глава Агитпропа ЦК РКП(б) Е. А. Преображенский так писал об этом в 1923 г.: «Молодежь должна помнить, что на нее здесь главная надежда. Взрослое поколение слишком испорчено капитализмом и привыкло к старому. Мне кажется даже, что, напр[имер], и члены коммунистической партии, какую бы великую историческую роль они ни играли в период пролома капиталистической стены и как ни велика будет их роль в ближайшие три-четыре десятилетия, — даже они глубоко испорчены уже капитализмом и представляют из себя никуда негодный материал для чисто коммунистической стройки. (Счастье их, что они не доживут до коммунизма и сойдут поэтому в могилу революционерами и героями.)»².

Но, несмотря на такое отношение, или как раз именно поэтому, молодежь традиционно являлась объектом пристального внимания органов милиции и государственной безопасности. Это внимание усилилось в 1930-е гг., что было обусловлено появлением среди молодежи многочисленных групп «обиженных и угнетенных», в первую

**Савин
Андрей Иванович**
канд. ист. наук,
ст. науч. сотр.,
Институт истории
Сибирского отделения
РАН (Новосибирск,
Россия)

очередь как результата дискриминационной политики в отношении детей и подростков — членов семей «бывших», раскулаченных и репрессированных. Молодежь из числа маргинальных групп пополняла армию беспризорных и малолетних преступников, проблема детской беспризорности так и не была окончательно решена вплоть до конца 1930-х гг.³ Дети раскулаченных родителей были резко ограничены в возможностях получения образования. На территории спецкомендатур в СССР по состоянию на 1935/36 учебный год функционировали 1268 начальных школ со 152 129 учащимися; 268 неполных средних школ — с 49 002 учащимися, еще 9325 человек учились в школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и «на разных курсах». Эти школы, как правило, размещались в непригодных помещениях, испытывали огромный недокомплект учителей (значительная часть вербовалась из числа самих спецпереселенцев), а также острейший дефицит учебников и тетрадей (использовались газеты)⁴.

Во второй половине 1930-х гг. наиболее жесткие дискриминационные ограничения в отношении детей спецпереселенцев, «лишенцев» и «бывших» были отменены. В рамках подготовки новой конституции, где подразумевалось восстановить в правах изгоев советского общества, были предприняты, как писал О. В. Хлевнюк, вполне конкретные шаги, направленные на «умиротворение» социума, «реально облегчавшие положение миллионов людей»⁵. Так, в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О школах в трудпоселках» от 15 декабря 1935 г., детей трудпоселенцев, окончивших неполную среднюю школу, теперь разрешалось принимать на общих основаниях как в техникумы, так и в другие специальные средние учебные заведения, а окончивших среднюю школу — соответственно в высшие учебные заведения. В конце 1935 г. государство также фактически отказалось от политики пролетаризации студенчества, прекратив дискриминацию детей «бывших» и «лишенцев». Аналогичные процессы протекали в комсомоле, который стремительно превращался из организации рабоче-крестьянской молодежи во «всесловную» организацию с доминированием учащейся молодежи.

Однако эта либерализация шла рука об руку с ужесточением репрессивной политики в отношении социальных девиантов из числа молодежи. 7 апреля 1935 г. ЦИК и СНК СССР приняли печально известное Постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Благодаря исследованиям целого ряда историков, в первую очередь В. Н. Бубличенко, мы сравнительно много знаем о карательной политике государства в отношении малолетних преступников: известна численность «воспитанников» детских трудовых колоний НКВД — МВД в СССР в предвоенные и военные годы, состав несовершеннолетних преступников по инкриминируемым им преступлениям и т. д.

Гораздо меньше известно о молодых людях, ставших жертвами обвинений в антисоветской агитации и контрреволюционной деятельности. Тем не менее архивные находки позволяют утверждать, что в преддверии массовых операций НКВД 1937–1938 гг. руководство органов госбезопасности целенаправленно акцентировало внимание подчиненных на молодых людях как потенциально опасной социальной группе. Так, 13 марта 1936 г. Экономический отдел (ЭКО)

ГУГБ НКВД СССР разослал на места Директиву № 19 «О к.-р. формированиях среди молодежи в народном хозяйстве» за подписью заместителя начальника ЭКО ГУГБ НКВД СССР Д. М. Дмитриева (Плоткина). Директива начиналась со следующей преамбулы: «Неоднократные указания ЭКО ГУГБ о необходимости развернуть агентурную работу среди молодежи, занятой в промышленных объектах народного хозяйства, органами ЭКО УНКВД выполняются крайне недостаточно», и это в условиях «активизации контрреволюционных кадров молодежи», которые используют в борьбе с советской властью «наиболее крайние средства борьбы» — террор и диверсии, создавая для этой цели нелегальные организации со своими программами, уставами, конспиративными методами работы⁶. После ряда примеров «подрывной деятельности» молодежных групп в директиве констатировалось «совершенно неудовлетворительное агентурное обслуживание к.-р. групп молодежи, работающей на предприятиях и заводах»⁷. В подкрепление этой констатации указывалось, что, судя по данным об агентурных делах и делах-формулярах экономических отделов управлений НКВД на контрреволюционную молодежь в возрасте до 23 лет и ниже, «таких агентурных материалов имеется ничтожное количество». В резюмирующей части директивы всем местным аппаратам ЭКО предлагалось «приступить к систематическому агентурному обслуживанию молодежи на каждом предприятии, заводе и учреждении, произведя самый тщательный учет засоренности личного состава молодежи». Для достижения этой цели приказывалось «создать молодежную агентуру в возрасте начиная с 23–24–25 лет и ниже» в местах концентрации молодежи — «общественных организациях, клубах, осовиахимовских кружках и других кружках на предприятиях, заводах и в учреждениях». Особое внимание директива требовала уделить агентурной работе среди немецкой молодежи⁸.

Непосредственно в ходе массовых операций НКВД репрессиям подвергались не только совершеннолетняя рабочая, крестьянская и студенческая молодежь, но и несовершеннолетние. До сегодняшнего дня наиболее известным случаем привлечения учащихся к уголовной ответственности по ст. 58 УК РСФСР является так называемое «Детское дело», в рамках которого сотрудники Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД арестовали и пытались осудить по «тройке» ряд «учащихся школ города, в том числе малолетних детей, обвиняя их в тягчайших контрреволюционных преступлениях»⁹. «Детское дело» приобрело широкую известность в ходе кампании по дисциплинированию НКВД в 1939 г., так как суд над четырьмя сотрудниками НКВД публично освещался (редчайший случай в советской истории) в печати. Газета «Советская Сибирь» опубликовала в феврале 1939 г. пять материалов о ходе процесса над «злостными нарушителями социалистической законности». По версии О. В. Хлевнюка, инициатором дела в отношении группы чекистов из Ленинск-Кузнецка являлся секретарь Новосибирского обкома Г. А. Борков, который провел «шумную и демонстративную античекистскую акцию, санкционированную Москвой»¹⁰.

«Детское дело» было вопиющим, но далеко не единственным случаем, когда сотрудники НКВД попытались представить детское озорство, хулиганство или романтическое правдоискательство как политическое преступление.

Как следует из докладной записки секретаря Алтайского крайкома ВКП(б) К. А. Морщанина «О результатах проверки начальников РО НКВД и начальников отделов управления НКВД Алтайского края» от 16 октября 1939 г., адресованной управлению кадров ЦК ВКП(б), в числе сотрудников краевого управления НКВД, подлежащих увольнению из органов за нарушения «социалистической законности», значился начальник Грязнухинского РО НКВД А. М. Новоселов. Ему вменялись «незаконные аресты и содержание под стражей [в течение] 7 месяцев 11 человек школьников, являющихся якобы участниками контрреволюционной группы»¹¹. Изучение архивно-следственных документов позволило Л. А. Обухову установить, что за 1937–1938 гг. по политическим мотивам в Пермском крае были арестованы 59 несовершеннолетних в возрасте 12–17 лет, 32 из них впоследствии освобождены. «Тем не менее, — как отмечает Обухов, — все они прошли через допросы и содержались в заключении от нескольких дней до нескольких месяцев»¹². Кроме того, как известно, дети целенаправленно подвергались репрессиям во исполнение Приказа НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины» от 15 августа 1937 г.¹³

Важным этапом в изучении темы репрессий в отношении молодежи стал справочник, подготовленный на основе архивно-следственных дел, хранящихся в Центральном архиве ФСБ РФ и его региональных отделениях¹⁴. Справочник состоит из фрагментов обвинительных заключений, приговоров и биографических справок лиц, проходивших по «молодежным делам». Данное издание дает возможность ознакомиться из первых рук с «судьбами тех молодых людей, которые, становясь свидетелями невиданных беззаконий, что творились вокруг, искали спасения в общении друг с другом. Очень часто именно это простое общение и становилось предметом следственных разбирательств. Иногда, правда, в процессе общения молодые люди приходили к выводу, что дальше так жить стыдно и надо что-то делать. И тогда появлялись подпольные организации со своими программами, уставами и членскими взносами»¹⁵. Справочник включает в себя сведения о 15 делах за период 1926–1935 гг., 28 делах — за 1937–1938 гг., 3 — за 1939–1940 гг., 3 — за 1941 г., 16 — за 1943–1945 гг. и 17 делах — за 1946–1952 гг. Таким образом, на сегодняшний день эта книга является наиболее полным источником данных о молодых людях, студентах и школьниках, пострадавших по обвинениям в совершении контрреволюционных преступлений. Теме «подпольных организаций» школьников и студентов в 1930–1950-е гг. посвящен также ряд специальных статей¹⁶.

Дуальность политики сталинского государства по отношению к молодежи только усугубилась в годы Великой Отечественной войны. С одной стороны, именно молодые люди внесли главный вклад в победу над врагом как на фронте, так и в тылу. С другой стороны, особенно по мере приближения к концу войны, молодежь все больше интерпретировалась руководством органов госбезопасности как опасная социальная среда, во множестве порождавшая антисоветские организации и группы. Об этом свидетельствует Директива Народного комиссариата государственной безопасности (далее — НКГБ) СССР № 12 «Об усилении агентурно-оперативной работы по разработке антисоветского элемента среди молодежи и вскрытых в 1943–1944 гг. враждебных орга-

низациях и группах» от 25 января 1945 г., за подписью заместителя наркома ГБ Б. З. Кобулова¹⁷, а также Приложение к Директиве № 12 под заголовком «Обзор вскрытых и ликвидированных антисоветских организаций и групп среди молодежи в 1943–44 гг.» (далее — «Обзор...») за подписью заместителя начальника 2-го управления НКГБ СССР, комиссара ГБ И. И. Илюшина-Эдельмана, и начальника 4-го отдела 2-го управления¹⁸ подполковника ГБ С. Е. Литкенса¹⁹.

Учитывая табуированность темы и крайнюю малочисленность источников, порождающих различные домыслы и мифы, трудно переоценить введение в научный оборот данной 4-страничной директивы и 16-страничного «Обзора...»²⁰. При этом следует указать, что «центр тяжести» информации, приведенной в директиве и приложении, приходится на тыловые районы СССР, не затронутые немецкой оккупацией, что еще больше повышает ценность источника, наряду с последними исследованиями, посвященными в том числе молодежи Украины, Белоруссии и Прибалтики²¹. Фактические данные, содержащиеся в директиве НКГБ и «Обзоре...», позволяют не только оценить масштаб деятельности органов государственной безопасности в отношении традиционных целевых групп — «детей репрессированных и выходцев из социально чуждой среды» — на завершающем этапе Великой Отечественной войны, но также описать и проанализировать механизмы и практики «оперативного обслуживания» юношества посредством «агентурно-осведомительной сети среди всех слоев молодежи».

Целевые группы репрессий определялись в директиве традиционно — выходцы из «социально чуждой среды» и «дети репрессированных». Рассадником антисоветских настроений назывались созданные учащимися организации, в первую очередь различные литературные, философские и другие кружки. «Политически неустойчивая часть молодежи легко идет на всякого рода авантюристические предложения и, увлекаясь “романтикой” нелегалщины, пытается прибегнуть в своей антисоветской работе к наиболее острым формам борьбы с советской властью», — констатировалось в документе²².

Что же касается территорий, временно оккупированных немецкими войсками, то чекисты утверждали, что разведывательные органы противника, а также Русский общевоинский союз (РОВС) и Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП) широко использовали «антисоветскую и неустойчивую часть молодежи», особенно женщин. Ответственность за неблагоприятное положение, якобы сложившееся в молодежной среде, возлагалась директивой на руководство ряда управлений НКГБ, запустивших агентурное «обслуживание» молодежи, в результате чего «целый ряд контингентов (учащиеся техникумов, средних школ, ремесленных училищ и ФЗО) не был «охвачен агентурно-осведомительной сетью», а «отдельные агенты из числа молодежи, подпав под влияние антисоветского элемента, становились на путь предательства и обмана органов НКГБ»²³.

Для исправления ситуации Кобулов потребовал «создать работоспособную агентурно-осведомительную сеть среди всех слоев молодежи, в первую очередь среди молодежи из социально чуждой среды и детей, родители которых репрессированы органами НКВД — НКГБ», уделяя особое внимание мо-

лодежи бывших оккупированных территорий. Эту сеть предписывалось создать сначала среди учащихся старших классов средних школ, в исключительных случаях разрешалась вербовка лиц моложе 16 лет. Под особое наблюдение, кроме школ, попадали места концентрации молодежи: танцплощадки, дансинги, клубы, лектории, стадионы и т. п. Кроме того, требовалось «обеспечить проверенной агентурой наблюдение за участниками возникающих и существующих инициативных литературных, философских, художественных и иных кружков среди студенчества и учащихся средних школ, своевременно предотвращая агентурно-оперативными мерами перерастание их в антисоветские формирования»²⁴. Дополнительные сведения об антисоветской активности в школьной среде как среди преподавателей, так и среди учащихся должна была сообщать агентурная сеть из числа педагогов учебных заведений.

В качестве резидентов, которые осуществляли руководство юными агентами, приказывалось использовать чекистов запаса, членов ВКП(б), проверенных осведомителей, а также, в отдельных случаях, лиц из числа местной интеллигенции. В крупных городах и промышленных центрах рекомендовалось организовывать резидентуры во главе с резидентами, освобожденными от другой работы. Одними из основных задач резидентов являлись: воспитание агентурно-осведомительной сети из числа молодежи «в духе преданности Советскому государству и выполнение взятого на себя обязательства перед органами НКГБ»²⁵.

Регулировался в директиве также порядок ликвидации молодежных групп. Разработку рекомендовалось не затягивать, «добиваясь быстрого выяснения характера и всех обстоятельств того или иного антисоветского проявления среди молодежи и, что особенно важно, выявления в процессе ведения разработки инструкторов и организаторов, в первую очередь из числа взрослых». При наличии данных об «антисоветском группировании молодежи» приказывалось «пресекать в зародыше возможность для организационного оформления групп и расширения их влияния, для чего применять как оперативные, так и агентурно-профилактические меры». Здесь же регулировался порядок арестов лиц моложе 16 лет — только с предварительной санкции НКГБ СССР, «исключая избранных в террористических и диверсионных намерениях, о которых докладывать после их ареста, если только обстановка требует немедленной реализации материалов»²⁶.

Представление о масштабах репрессивной деятельности НКГБ в отношении молодежи в военные годы дает приложение к директиве²⁷. Первой из антисоветских групп в «Обзоре...» называется группа студентов МГУ во главе со студентом философского факультета Н. А. Кардаковым, ликвидированная в декабре 1943 г. Студентам вменялись контакты с неким представителем обновленческой церкви, антисоветские клеветнические разговоры и создание платформы под названием «Новые идеи коммунизма»²⁸. Также печально закончилась инициатива ряда студентов философского и физико-математического факультетов Казахского государственного университета, собиравшихся на «философские субботники» под руководством профессора — бывшего меньшевика. Следующая антисоветская организация была связана с громким

именем Ломинадзе. Речь шла о Серго Ломинадзе²⁹ — сыне известного партийного деятеля Виссариона Ломинадзе, заклеянного в 1930 г. как участника «право-левацкого блока» Сырцова — Ломинадзе. С. В. Ломинадзе, которому в 1943 г. исполнилось 17 лет, обвинялся в создании некоего «Союза освобождения России». Описание студенческих антисоветских организаций в «Обзоре...» замыкает «Бухаринско-троцкистская партия», якобы созданная пятью студентками 1-го курса Петровского педагогического училища (Саратовская область) во главе с Л. В. Григорьевой³⁰.

Что касается школьной молодежи, то авторы «Обзора...» писали, что созданию антисоветских групп, как правило, «предшествовало увлечение анархистской, народовольческой, приключенческой и т. п. литературой и организация разного рода “рыцарских орденов” и нелегальных “обществ”», которые под влиянием взрослых из враждебного окружения постепенно превращались в организации «антисоветского направления». Так, в Саратовской области чекисты ликвидировали осенью 1943 г. «Общество юных революционеров» во главе с учеником 6-го класса, тринадцатилетним Г. В. Павловым³¹. Организация имела устав, программу и примитивный шифр, занималась распространением антисоветских листовок, своей целью ставила «установление в СССР подлинной народной власти, уничтожение частной собственности в деревне, ликвидацию в СССР нарождающихся буржуазных классов». По версии чекистов, в организацию входило 16 человек, всего было арестовано одиннадцать, в том числе восемь подростков в возрасте 11–14 лет и трое взрослых. Трех подростков впоследствии освободили, остальные участники организации были осуждены на разные сроки³².

Если в Саратове чекисты имели дело с юными революционными романтиками, то УНКГБ по Кемеровской области «вскрыло» зимой 1944 г. организацию «Голубая гвардия», состоявшую, очевидно, из детей спецпереселенцев — учащихся средней школы с. Зырянка Кемеровской области. По крайней мере, в «Обзоре...» утверждалось, что ученик 8-го класса В. Н. Борисович³³, возглавлявший организацию, «стал на путь борьбы с советской властью под влиянием взрослых связей из числа спецпереселенцев».

Центральный аппарат НКГБ СССР, как и в случае со студентами, сделал своей целью сына известного «врага народа»: в деле антисоветской организации из учащихся московских средних школ и техникумов фигурировал Камил Зелькин³⁴, сын Акмаля Икрамова, первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана, и его жены Евгении Зелькиной, заместителя наркома земледелия Узбекской ССР, расстрелянных в 1938 г. Вместе с К. А. Зелькиным в группу входили юный художник В. Ф. Деуль³⁵, учащийся Московского авиатехникума А. Ф. Нестеров (1927 г. р.) и учащийся средней школы Л. Ч. Гоцлавский (1928 г. р.).

В свою очередь, УНКГБ по Ульяновской области ликвидировало летом 1943 г. группу «Партия против Сталина», состоявшую из воспитанников детского дома и учеников средних школ. В группу входили С. Н. Волинский, А. В. Степанов³⁶, М. В. Зебриков и А. А. Арсеньев. Всем подросткам было 14 лет; по версии чекистов, Волинский и Степанов, дети репрессированных родителей, намеревались мстить за своих близких. По-видимому, единственным реальным

преступлением подростков было уничтожение бюста и портрета Сталина. А для ученика средней школы г. Павлово Горьковской области, В. В. Горшкова³⁷, и бывших учеников этой же школы, студента 1-го курса Московского нефтяного института А. Н. Прядилова³⁸, а также курсанта школы младших командиров Ю. А. Храмова³⁹, в декабре 1943 г. роковым стал рукописный литературный журнал «Налим», в котором мальчики еще в 1941 г. помещали якобы «антисоветские рассказы и стихи, содержавшие призыв к борьбе с советским строем»⁴⁰. В случае же с «частично ликвидированной антисоветской группой из числа учащихся 6–7 классов» Пашковской неполной средней школы Краснодарского края дело обстояло, по версии чекистов, гораздо серьезнее: арестованные комсомольцы Ю. Ф. Разумов (1927 г. р.) и В. П. Нестеренко (1929 г. р.) не только изготавливали и распространяли среди населения антисоветские листовки, — при аресте у Василия Нестеренко было изъято оружие и боеприпасы. Распространением листовок занимались также члены ученической организации «Свободная Россия», ликвидированной УНКГБ по Московской области.

Стоит отметить, что чекисты не упомянули в «Обзоре...» в числе антисоветских школьных организаций печально знаменитое дело организации «Четвертая империя», в участии которой летом 1943 г. были уличены дети из семей высшего слоя советской партийно-государственной элиты. Подпольная организация учащихся 175-й средней школы г. Москвы, в которой учились дети Сталина, Молотова, Микояна и т. п., была «вскрыта» органами госбезопасности в ходе расследования убийства Нины Уманской, дочери советского полпреда в Мексике К. А. Уманского, и самоубийства ее убийцы — Володи Шахурина, сына наркома авиационной промышленности А. И. Шахурина. Следствие установило, ознакомившись с дневником мальчика, что Владимир Шахурин восхищался национал-социалистами и мечтал о смене режима в СССР. В организацию также входили два сына А. И. Микояна, сыновья генералов П. И. Кирпичникова и Р. П. Хмельницкого и другие представители золотой советской молодежи. Дело кончилось высылкой подростков из Москвы, однако их могущественные отцы по-прежнему занимали свои высокие посты и, очевидно, авторы «Обзора...» решили лишний раз не напоминать об их позоре⁴¹.

Отдельным разделом в «Обзоре...» представлены «антисоветские организации и группы среди рабочей и служащей молодежи», для участников которых, по мнению авторов документа, были характерны наличие оружия, связь с уголовным элементом и уклонение от службы в Красной армии. Так, НКГБ Грузинской ССР ликвидировал «молодежную профашистскую организацию» во главе с 30-летним цирковым артистом В. Сесиашвили, уже судившимся в 1934 г. за двукратную попытку перехода границы. Вместе с ним был арестован Р. Сесиашвили (1925 г. р., без определенных занятий). Молодые люди изготовили кустарным способом нелегальную примитивную типографию, с помощью которой напечатали и распространили в Тбилиси несколько сот антисоветских листовок на русском и грузинском языках.

Новосибирские чекисты «вскрыли» антисоветскую молодежную организацию в трех районах Нарымского округа, являвшегося традиционным местом крестьянской ссылки. Организация называлась «Голос из глубины души»,

насчитывала 15 участников и возникла в начале 1942 г. якобы по инициативе бывшего эсера Штурмана-Колотовкина, сосланного в Нарым из Ленинграда в 1941 г. Возглавлял организацию, по версии чекистов, 19-летний татарин С. Мазитов, начальник учебного пункта всеобуча Парабельского района, «способный музыкант и организатор массовых молодежных вечеров в районном Доме культуры». Первую группу из восьми человек во главе с Мазитовым и инспектором ЦСУ по Васюганскому району А. К. Нестеровым⁴² чекисты арестовали в декабре 1942 г.; вторую, во главе с М. Шкуренковым, выходцем из семьи «кулака-спецпереселенца», и А. Трифионовым, учителем и местным уроженцем, — спустя почти год, уже в октябре — ноябре 1943 г. По версии чекистов, участники организации ставили своей задачей «вовлечение новых членов из антисоветски настроенной молодежи мужского пола, вооружение холодным и огнестрельным оружием всех членов организации, проведение широкой устной и письменной (путем распространения листовок) пораженческой пропаганды и агитации среди населения». Из улик чекисты располагали только изъятыми у Шкуренкова программой и уставом «Литературного общества новых революционеров», что дало им основание обвинять молодых людей в подготовке создания «Партии новых революционеров». Показательно, что Мазитов обвинялся не столько по делу «Голоса из глубины души» или «Партии новых революционеров», сколько по делу «Гаскери-Уешма» (мифической мусульманской антисоветской организации), сфабрикованному 3-м отделом (КРО) УНКВД по Новосибирской области в 1937 г.

Последней из антисоветских молодежных организаций, якобы действовавших на неоккупированных территориях, в «Обзоре...» называется «Русская национальная партия», ликвидированная центральным аппаратом НКГБ СССР. Начало ее деятельности чекисты отнесли к 1937 г.; ее участники изготавливали и распространяли листовки, а с начала Великой Отечественной войны «высказывали намерения перейти на сторону немцев и принять участие в вооруженной борьбе против советской власти». Двое из членов организации — В. Н. Ильичев (1918 г. р.) и В. Ф. Еремин (1923 г. р.) — были арестованы в октябре 1943 г., находясь на фронте; слесарь московского завода № 213 В. Н. Медведев (1923 г. р.) и часовой мастер Октябрьского райпромтреста г. Москвы Б. Л. Базюк (1921 г. р.) — в августе 1943 г. Все четверо приговорены к разным срокам наказания: Базюк к пяти годам лагерей, Медведев и Еремин — к восьми, Ильичев — к десяти годам лагерей. Все они были реабилитированы в 1969 г., в том числе Медведев, скончавшийся в 1944 г. в заключении⁴³.

Заключительный раздел «Обзора...» посвящен «антисоветским организациям и группам среди молодежи на освобожденной от немцев территории», и здесь речь идет о молодых людях, обвинявшихся преимущественно в коллаборационизме. Так, в Одессе чекисты ликвидировали группу из четырех человек, трое из которых являлись студентами Одесского университета, якобы сотрудничавшими с «Национально-трудовым союзом нового поколения» (НТСНП). Студенты, по версии органов госбезопасности, были завербованы еще в ноябре 1943 г. и оставлены в качестве резидентуры в тылу Красной армии. Разработкой участников НТСНП занималось также УНКГБ по Орловской

области. Если в данных случаях речь, возможно, шла о действительной коллаборации с врагом, то УНКГБ по Курской области действовало по традиционной схеме, «вскрыв» «антисоветскую группу среди детей репрессированных изменников Родины и немецких пособников», совершивших «террористический акт против первого секретаря райкома ВКП(б)».

НКГБ Украинской ССР сообщил о разоблачении фашистской резидентуры, действовавшей в Киеве при немцах под прикрытием подпольной комсомольской организации. Всего в декабре 1943 г. было арестовано девять человек во главе с А. Картоножкиным (1922 г. р.), бывшим командиром Красной армии, попавшим в плен к немцам. После своего освобождения немцами из плена он работал электромонтером в Киеве. В ноябре 1943 г., сразу же после освобождения Киева, Картоножкин явился в ЦК ЛКСМУ и заявил о том, что являлся руководителем подпольной партийно-комсомольской организации, насчитывавшей до 40 человек. Организация якобы распространяла в немецком тылу антифашистские листовки и была связана с подпольным обкомом КП(б)У, разгромленным гестапо в марте 1943 г. В октябре 1944 г. Картоножкин был осужден Особым совещанием при НКВД СССР к 15 годам лишения свободы. Современные украинские исследователи антифашистского подполья выяснили, что в 1956–1957 гг. Военной прокуратурой Киевского военного округа совместно с КГБ СССР проводилась проверка дела по жалобе Картоножкина, которая подтвердила правильность предъявленных ему обвинений. В итоге историки охарактеризовали группу Картоножкина как «наиболее яркий пример лжеподпольной группы» в истории киевского подполья⁴⁴.

Кроме группы Картоножкина, украинские чекисты сообщали о многочисленных группах «юнаков», членов молодежной националистической «Организации юных украинских националистов» (ОЮУН), созданной ОУН. Группы «юнаков» и молодежные оуновские организации были ликвидированы в течение 1944 г. в Харькове, Ровенской области, а также в Черниговском, Ореховском и Гуляй-Польском районах Запорожской области.

Завершался «Обзор...» данными молдавских чекистов, занимавшихся выявлением членов молодежных националистических организаций, широко насаждавшихся румынскими властями в целях румынизации молдавской молодежи, таких как «Претигере премилитаре», «Труд и просвещение» и «Ассоциация культурной молодежи Румынии».

Война явилась мощным катализатором деятельности советских органов государственной безопасности, которые с удвоенной энергией принялись за выявление и устранение потенциальной политической девиации. В первую очередь это касалось традиционных целевых групп репрессий, к которым к этому времени стали относиться дети изгоев советского общества — «бывших», раскулаченных и «врагов народа» из числа представителей советских элит. Военная опасность подстегнула чекистов с крайним подозрением относиться к любым формам организованной молодежной самодеятельности, будь то литературная или философская группа, не говоря уже о квазиполитических организациях. В то же время война на время ослабила пресс идеологического контроля, породив у широких слоев общества надежды на определенные

послабления и даже реформы после войны, налицо был эффект «неодекабризма». Носителем этих настроений в первую очередь являлась молодежная среда, наиболее чуткая к несправедливости и склонная к романтической революционной героике. Как следует из охарактеризованных дел молодежных организаций, налицо было смешение критического отношения к советской действительности, романтической игры в сопротивление и безобидной творческой деятельности. Новым фактором на заключительном этапе войны стала масса молодых людей, оказавшихся в плену или на оккупированных территориях, — как мнимых, так и настоящих коллаборационистов, а также участников вооруженного националистического движения на Украине и в других союзных республиках. Ответом органов безопасности на усиление девиантной молодежной активности стали традиционные меры спецслужб — организация широкомасштабного агентурного осведомления в ученической и студенческой среде, а также фабрикация дел антисоветских организаций.

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова и др. М., 1992. С. 28–29.

² Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. М.; Пг., 1923. С. 81–82.

³ См., например: Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: сб. документов и материалов / сост.: Г. Е. Корнилов, И. А. Лаврова. Екатеринбург, 2009. В Предисловии составители сборника отмечают рецидивный характер беспризорности 1930-х гг., являвшейся одним из результатов социально-экономических и политических преобразований конца 1920–1930-х гг. См.: Там же. С. 7.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 3. Оп. 33. Д. 39. Л. 174.

⁵ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 148.

⁶ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (далее — ОГА СБУ). Ф. 5. Д. 5-сп. Л. 43–47.

⁷ Там же. Л. 44.

⁸ Там же. Л. 46 об. — 47.

⁹ Советская Сибирь. 1939. 21 февр. № 42.

¹⁰ Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 359. Анализ обстоятельств «Детского дела» посвящена специальная статья А. Г. Теплякова ««Детское дело» в Кузбассе: к вопросу о подоплеке открытого процесса 1939 г. над чекистами — «нарушителями законности»» (Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. материалов российско-французского семинара, Париж, 29–30 нояб. 2010 г. Новосибирск, 2011. С. 141–154).

¹¹ Эхо Большого террора: сб. документов: в 3 т. Т. 3: Чекисты Сталина в тисках «социалистической законности». Эго-документы 1938–1941 гг. / сост.: А. И. Савин, А. Г. Тепляков, М. Юнге. М., 2018. С. 535.

¹² Обухов Л. А. Репрессии против детей в период «Большого террора» // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 2 (54). С. 58–72.

¹³ Дети Гулага. 1918–1956 / под ред. А. Н. Яковлева, сост. С. С. Виленский и др. М., 2002.

¹⁴ Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953 гг.): справочник / под ред. В. С. Христофорова и др., сост. И. А. Мазус. М., 2014.

¹⁵ Там же. С. 5.

¹⁶ См.: Печуро С., Булгакова В. Дело джалал-абадских школьников. К истории молодежных антисталинских организаций // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 528–535; Макаров А. А. Молодежное сопротивление тоталитарному режиму. 1945–1953 годы // История сталинизма. Репрессированная российская провинция: материалы междунар. науч.

конференции, Смоленск, 9–11 окт. 2009 г. М., 2011. С. 511–519; Волкова И. В. Подпольные организации школьников в СССР периода Большого террора // Психология и право. 2015. № 4. С. 14–25; Гайфуллин И. А. Тайная школьная организация в Урмановской средней школе в Башкирской АССР: к историографии вопроса // Общество: философия, история, культура. 2017. Вып. № 4. С. 107–109.

¹⁷ ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 5-сп. Л. 231–233 об. Печатный экз.

¹⁸ 2-е управление НКГБ — МГБ отвечало за контрразведку, 4-й отдел в его составе специализировался на «борьбе с антисоветскими элементами среди молодежи». См.: Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности 1941–1945: справочник. М., 2010. С. 45–46.

¹⁹ ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 5-сп. Л. 234–240 об. Печатный экз.

²⁰ Даже специализированный справочник, посвященный «подпольным» молодежным организациям, имеет множество лакун, как показывает анализируемый здесь документ.

²¹ См. об этом: Синецын Ф. Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР: национальный и религиозный аспекты: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017; Сушко А. В. Украинские националисты в Омске: осуждены и реабилитированы // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 705–722.

²² ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 5-сп. Л. 232.

²³ Там же. Л. 232 об.

²⁴ Там же. Л. 233.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 233 об.

²⁷ Там же. Л. 234–240 об. Далее при цитировании «Обзора...» ссылки на него не даются.

²⁸ Вместе с Кардаковым по делу были арестованы еще три студента и один бывший студент МГУ. Подробнее см.: Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953 гг.). С. 210–213.

²⁹ Ломинадзе Серго Виссарионович (1926–2007), советский литературовед, поэт. Арестован за антисталинское стихотворение. Освобожден в 1952 г. С 1963 г. — сотрудник, заместитель главного редактора журнала «Вопросы литературы». Умер в США.

³⁰ Лариса Васильевна Григорьева (1927–?) арестована 22 мая 1944 г. Осуждена Военным трибуналом войск НКВД по Саратовской области 31 августа 1944 г. к 10 годам лишения свободы. Реабилитирована в 1957 г.

³¹ Павлов Гелий Владимирович (1930–1992) — на момент ареста ученик 6-го класса 2-й мужской средней школы г. Саратова. Арестован 15 октября 1943 г. Осужден Особым совещанием при НКВД СССР 3 мая 1944 г. к шести годам лишения свободы. Реабилитирован в 1957 г.

³² Подробнее см.: Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953 гг.). С. 196–205.

³³ Вадим Николаевич Борисович (1929–?) арестован 1 февраля 1944 г. Осужден Особым совещанием при НКВД СССР 18 ноября 1944 г. к пяти годам ИТЛ. Реабилитирован в 1963 г.

³⁴ Икрамов (Зелькин) Камил Акмалевич (1927–1989), советский писатель, драматург, публицист, народный писатель Узбекистана. Арестован в ноябре 1943 г., приговорен к пяти годам ИТЛ. В 1948 г. освобожден, в 1951 г. арестован и осужден повторно. Освобожден в 1955 г. Реабилитирован.

³⁵ Деуль Виталий Федорович (1927–2003), член Союза художников СССР. Упоминается в романе «Архипелаг ГУЛАГ» А. С. Солженицына.

³⁶ Степанов Александр Викторович (1928–?), воспитанник детского дома № 10, Ульяновск. Арестован 17 августа 1943 г. Содержался под стражей до 16 октября 1943 г. Реабилитирован в 1995 г.

³⁷ Горшков Всеволод Васильевич (1926–?), ученик 10-го класса средней школы г. Павлово. Арестован 1 декабря 1943 г. Осужден 15 мая 1944 г. Военным трибуналом г. Москвы к 10 годам лишения свободы в ИТЛ. Освободился 29 декабря 1952 г. В начале 1970-х гг. — главный инженер Павловского ремонтно-строительного управления, директор Павловского завода сборного железобетона.

³⁸ Алексей Николаевич Прядилов (1927–?) арестован 21 декабря 1943 г. Осужден 15 мая 1944 г. Военным трибуналом г. Москвы к семи годам лишения свободы в ИТЛ.

³⁹ Храмов Юрий Андреевич (1926–?), курсант школы младших командиров 32-го отдельного учебно-танкового полка. Арестован 25 декабря 1943 г. Осужден 15 мая 1944 г. Военным трибуналом г. Москвы к семи годам лишения свободы в ИТЛ. В «Обзоре...» ошибочно упоминается как В. В. Хромов.

⁴⁰ Подробнее см.: Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953 гг.). С. 206.

⁴¹ Подробнее об организации см.: Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 58. Д. 213.

⁴² В «Обзоре...» ошибочно именуется А. И. Нестеров; корректно: Арсентий Клавдиевич.

⁴³ Подробнее см.: Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953 гг.). С. 192–195.

⁴⁴ *Слободянюк Н., Лысенко А.* Советское подполье Киева (1941–1943 гг.): человеческое измерение. Любящее и ненавидящее. Смешное и грустное. Высокое и низкое. Героическое и будничное. Саарбрюккен, 2014. С. 10–13.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2021 г.

Рекомендована к печати 22 февраля 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Савин А. И. Советская молодежь в годы Великой Отечественной войны глазами органов государственной безопасности // *Новейшая история России.* 2022. Т. 12, № 2. С. 288–302. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.202>

Аннотация: В статье предпринята попытка анализа деятельности органов государственной безопасности в отношении советской молодежи в годы Великой Отечественной войны. В научный оборот впервые вводятся уникальные документы Народного комиссариата государственной безопасности СССР. Проанализировав данные документы и другие источники, автор пришел к выводу о традиционном дуальном отношении сталинского государства по отношению к молодежи, которое только усугубилось в годы войны. С одной стороны, именно молодые люди внесли огромный вклад в победу над врагом как на фронте, так и в тылу. С другой стороны, особенно к концу войны, молодежь все больше интерпретировалась как опасная социальная среда, во множестве порождавшая антисоветские организации и группы. Военная опасность подстегнула чекистов с крайним подозрением относиться к любым формам организованной молодежной самодеятельности, будь то литературные или философские группы, не говоря уже о квазиполитических организациях. В результате органы государственной безопасности с удвоенной энергией принялись за выявление и устранение потенциальной политической девиации в молодежной среде. В первую очередь это касалось детей изгоев советского общества — «бывших», раскулаченных и «врагов народа» из числа представителей советских элит. В то же время война на время ослабила идеологический пресс, породив у широких слоев общества надежды на определенные послабления и даже реформы. Носителем этих настроений в первую очередь являлась молодежная среда, наиболее чуткая к несправедливости и склонная к революционной романтике. Как следует из охарактеризованных дел молодежных организаций, налицо было смешение критического отношения к советской действительности, романтической игры в сопротивление и безобидной творческой деятельности. Новым фактором на заключительном этапе войны стало большое количество молодых людей, оказавшихся в плену или на оккупированных территориях, — как мнимых, так и настоящих коллаборационистов, а также участников вооруженного националистического движения на Украине и в других союзных республиках. Ответом органов безопасности на усиление девиантной молодежной активности стали традиционные меры спецслужб: организация широкомасштабного агентурного осведомления в ученической и студенческой среде, а также фабрикация дел антисоветских организаций.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, органы государственной безопасности, молодежь, подполье.

Сведения об авторе: Савин А. И. — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия); a_savin_2004@mail.ru

Институт истории СО РАН, Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

FOR CITATION

Savin A. I. 'Soviet Youth during the Great Patriotic War through the Eyes of State Security Agencies', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 2, 2022, pp. 288–302.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.202> (In Russian)

Abstract: The article introduces unique documents about the security agencies of the USSR into academic circulation. An analysis of these documents and literature enables the author to make new claims about the traditional dual attitude of the Stalinist state towards young people. On the one hand, young people made a large contribution to victory over the enemy both at the front and in the rear. However, especially as the end of the war approached, youth were increasingly interpreted as a dangerous social environment, giving rise to many anti-Soviet organizations and groups. The war danger spurred Chekists to be extremely suspicious of any form of organized youth amateur activity, be it literary or philosophical groups, let alone quasi-political organizations. As a result, state security authorities with redoubled energy set about identifying and eliminating potential political deviations among the youth. First of all, the target was the children of the outcasts of Soviet society: the "former", "former kulaks", and "enemies of the people" from among the Soviet elites. At the same time, the war temporarily weakened ideological pressure, giving rise to hopes among broad strata of society for certain relaxations and even reforms after the war. A new factor at the final stage of the war was the mass of young people who found themselves in captivity or in the occupied territories, both imaginary and real collaborators, as well as participants in the armed nationalist movement in Ukraine and other Soviet Republics. The response of the security agencies to the intensification of deviant youth activity was the traditional measures of the intelligence services: building the large-scale undercover informant net in the student and student environment, as well as falsification of cases of anti-Soviet organizations.

Keywords: USSR, Great Patriotic War, state security agencies, youth, underground.

Author: Savin A. I. — PhD in History, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); a_savin_2004@mail.ru

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, ul. Nikolaeva, Novosibirsk, 630090, Russia

References:

- Gaifullin I. A. 'Secret school organization in the Urmanov secondary school in the Bashkir ASSR: on the historiography of the issue', *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 4, 2017. <https://doi.org/10.24158/fik.2017.4.26> (In Russian)
- Khlevnyuk O. V. *Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Khlevnyuk O. V. *Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s* (Moscow, 1996). (In Russian)
- Khristoforov V. S., Mazus I. A. et al. *Underground youth organizations, groups and circles (1926–1953)* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Kornilov G. E., Lavrova I. A. *Homelessness in the Urals in 1929–1941* (Yekaterinburg, 2009). (In Russian)
- Makarov A. A. 'Youth resistance to the totalitarian regime. 1945–1953' in *Istoriya stalinizma. Repressirovannaya rossiiskaya provintsiya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Smolensk, 9–11 okt. 2009)* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Obukhov L. A. 'Repressions against children during the Great Terror', *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Istoriya*, no. 2 (54), 2020. (In Russian)
- Pechuro S., Bulgakova V. 'The case of Jalal-Abad schoolchildren. On the history of youth anti-Stalinist organizations' in *Zven'ya. Istoricheskii al'manakh*, iss. 1 (Moscow, 1991). (In Russian)
- Petrov N. V. *Who led the state security agencies 1941–1945* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Polyakov Yu. A. et al. *All-Union population census of 1939: main results* (Moscow, 1992). (In Russian)

- Preobrazhenskii E. A. *About morality and class norms* (Moscow — Petrograd, 1923). (In Russian)
- Savin A. I., Teplyakov A. G., Junge M. *Echoes of the Great Terror*, vol. 3: *Stalin's Chekists in the grip of "socialist legality". Ego Documents 1938–1941* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Sinitsyn F. L. *Soviet-German ideological confrontation in the occupied territory of the USSR: national and religious aspects* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Slobodyanyuk N., Lysenko A. *Soviet underground in Kiev (1941–1943): human dimension. Loving and hating. Funny and sad. High and low. Heroic and everyday* (Saarbrücken, 2014). (In Russian)
- Sushko A. V. 'Ukrainian Nationalists in Omsk: Persecuted and Vindicated', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 3, 2021. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.309> (In Russian)
- Teplyakov A. G. "Children's affair" in Kuzbass: on the issue of the background of the open trial of 1939 over the Chekists — "violators of the law" in *Sudebnye politicheskie protsessy v SSSR i kommunisticheskikh stranakh Evropy* (Novosibirsk, 2011). (In Russian)
- Volkova I. V. 'Underground organizations of schoolchildren in the USSR during the Great Terror', *Psikhologiya i pravo*. no. 4, 2015. (In Russian)
- Yakovleva A. N., Vilenskii S. S. et al. *Children of the Gulag. 1918–1956* (Moscow, 2002). (In Russian)

Received: September 15, 2021

Accepted: February 22, 2022